

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**

КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

**ВЛАДИМИР
БЕХТЕРЕВ**

**НАЕДИНЕ
С УБИЙЦЕЙ**

**ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПНИКОВ**

Владимир Михайлович Бехтерев
Наедине с убийцей. Об
экспериментальном
психологическом
исследовании преступников
Серия «Человек преступный.
Классика криминальной психологии»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24918088

*Владимир Бехтерев. Наедине с убийцей. Об экспериментальном
психологическом исследовании преступников: Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906914-39-2*

Аннотация

Владимир Михайлович Бехтерев – выдающийся русский психиатр, невропатолог, психолог, физиолог и морфолог, один из основателей русской экспериментальной психологии. Вклад В.М. Бехтерева в медицину огромен. Помимо самой известной своей работы – «Проводящие пути спинного и головного мозга» – ученый создал немало других выдающихся трудов, в том числе он стал одним из первых изучать вопросы преступности с точки зрения психиатрии. Его необычные и

зачастую противоречивые суждения и по сей день не потеряли былой актуальности. В настоящее издание вошли лучшие статьи психиатра, посвященные психике преступника.

Содержание

Об экспериментальном психологическом исследовании преступников[1]	6
Психологическое определение личности	11
Личность и условия ее развития и здоровья[3]	14
Органическая и социальная сфера личности[7]	22
Бессмертие человеческой личности как научная проблема[8]	26
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Бехтерев
Наедине с убийцей. Об
экспериментальном
психологическом

исследовании преступников

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Об экспериментальном психологическом исследовании преступников¹

Чем более мы углубляемся в изучение преступных лиц, тем более убеждаемся в сложности тех психических и моральных условий, которые лежат в основе преступности. Уже один факт, что мы до сих пор не можем условиться относительно различных категорий преступных лиц, указывает на особенную сложность психической основы преступления. Факт этот объясняется тем, что в таком деле, как преступление, отражается вся личность субъекта и даже, более того, вся его психофизическая организация, причем в одних случаях в основе преступления лежит особая порывистость чувственной сферы, ее необычайная раздражительность, ее импульсивность, это так называемые преступники по страсти, в других случаях преступность в своей основе имеет природный недостаток чувственной сферы, выражающийся недоразвитием нравственных чувствований, благодаря чему этой категории преступники совершают обыкновенно преступления с заранее обдуманном намерением, ради удовлетворения потребностей своей натуры без большого труда,

¹ Сообщение было заслушано в Обществе нормальной и патологической психологии. Опубликовано в журнале «Обозрения психиатрии». 1902. № 8.

это преступники, лишенные нравственного чувства, чаще всего врожденные преступники, приближающиеся к категории известной формы – *moral insanity*², в третьих случаях преступления совершаются вследствие недостатка в интеллектуальной сфере, вследствие невозможности оценки значения прав собственности и более или менее ясного различения между злом и добром. Это так называемые слабоумные преступники или душевнобольные преступники. В четвертых случаях мы имеем преступников с ослабленной волей, вследствие алкоголизма или других причин, которые отличаются ленью, неспособностью к систематическому труду и для которых преступление является единственной возможностью существования. Но все эти деления преступников на те или другие категории, которых предлагалось и предлагается многое множество, страдают большой условностью. Как психическую сферу нормального человека мы только условно можем разделять на ум, чувство и волю, в действительности же наша психическая сфера представляет одно общее целое, неразрывно связанное в своих отдельных частях, так точно и вышеуказанные деления преступных типов пригодны нам лишь для общей и притом предварительной ориентировки среди массы преступников, в действительности же никто не станет отрицать, что преступность есть явление крайне сложное и далеко не вмещающееся в вышеуказанные категории, не говоря о массе индивидуальных особенностей

² Нравственное умопомешательство (*англ.*).

преступных лиц в каждом отдельном случае. Мне кажется, что несмотря на толчок, данный криминально-антропологическим направлением изучению преступности в последний период времени, мы в сущности мало подвинулись в изучении преступных лиц и специально антропологическое исследование преступников, которое предполагало открыть особый атавистический преступный тип Ломброзо, не дало нам положительных результатов, самое же существование преступного типа в смысле Ломброзо подвергается, как известно, большому сомнению и мало кем признается. Этим, конечно, ничуть не умаляется значение того огромного фактического материала, который был собран в отношении физического сложения преступников Ломброзо и его учениками и который указывает ближе всего на отношение известной категории преступников к вырождению. С другой стороны, психологическое исследование преступников, которое велось уже издавна и которое получило особенный толчок со времени развития уголовно-антропологической школы, уже в значительной степени использовано многочисленными авторами, работавшими в указанном направлении, и хотя в этом направлении, без сомнения, много еще может быть сделано, но главные результаты в этом отношении уже намечены. Тем не менее остается еще одна область психологического исследования, которая до сих пор не получила пока применения в должных размерах к исследованию преступных лиц и которая, на мой взгляд, обещает быть в этой сфе-

ре наиболее плодотворной, так как приобретаемые ею результаты отличаются большей точностью и возможной научной устойчивостью. Я говорю об экспериментально-психологическом исследовании преступников. Само собой разумеется, что здесь идет речь не об исследовании элементарных психических процессов как простой и сложной реакции, хотя и за исследованиями этого рода нельзя отрицать известного значения, главным же образом, по моему мнению, следует иметь в виду экспериментально-психологическое исследование чувственной реакции, памяти, ассоциации идей, этических представлений, соображения, внимания и проч., следовательно, тех явлений психической жизни, которые входят в область главным образом того отдела экспериментальной психологии, который носит название индивидуальной психологии. Сравнение полученных таким образом данных у преступников с теми, которые мы можем иметь относительно нормальных и честных лиц того же слоя общества, может дать нам более или менее верные указания относительно различия психического склада преступников по сравнению с честными лицами. Что касается специально нравственной сферы, то есть нравственных чувствований и представлений, то мне кажется, что и она при известной осторожности может быть также исследована путем ассоциаций, путем суждений, опросов и проч. Не следует, конечно, думать, что правильные нравственные воззрения должны совпадать с нравственностью лица вообще, так как мы

видели, что преступность может корениться в нарушении не нравственных суждений и не интеллектуальной сферы вообще, а в нарушении чувственной сферы или сферы воли. Поэтому было бы ошибочно из данных, полученных при исследовании в области сферы нравственных суждений у преступников, выводить заключения об их нравственной сфере вообще, об исправимости преступника и проч., но они могут тем не менее войти в общую характеристику данного психологического типа, как необходимый ингредиент. Мне нет надобности прибавлять, что экспериментально-психологическое исследование преступников должно производиться совместно с подробным обследованием физического состояния преступников, так как при оценке психического склада того или другого лица должно принимать во внимание и физическую его природу. Ввиду важности, которую мы придаем экспериментально-психологическому исследованию преступников, я полагаю, что наше общество нормальной и патологической психологии могло бы оказать свою посильную помощь изысканиям подобного рода, выработав общий руководящий план исследования преступников вообще, преимущественно в психологическом отношении и в особенности в экспериментально-психологическом отношении, и тем самым облегчило бы работу отдельных исследователей в этом направлении.

Психологическое определение личности

Для врачей-психиатров представляется совершенно изби-
той истиной, что психические болезни и состояния вырож-
дения суть болезни личности. Ввиду этого естественно, что
охрана здоровья личности и правильного ее развития состав-
ляет ту непосредственную цель, к которой прежде всего дол-
жен стремиться каждый из врачей, посвящающих себя изу-
чению душевных расстройств. Руководясь этим, я полагаю,
что собравшиеся здесь не посетуют на меня, если я займу их
внимание вопросами, связанными с личностью и охраной ее
здоровья и правильного развития с точки зрения врача-пси-
хиатра.

Прежде всего, мы должны выяснить для себя, что следует
понимать под названием личности?

Должно иметь в виду, что в отношении психологическо-
го определения личности мы встречаемся еще с большими
противоречиями в науке. Действительно, по поводу понятия
личности высказывались различные взгляды и мнения в за-
висимости от того направления в своих основных воззрени-
ях, которого держались различные психологические школы.
<...>

Мы полагаем, что кроме объединяющего начала под лич-

ностью следует понимать и направляющее начало, которое руководит мыслями, действиями и поступками человека.

Таким образом, кроме внутреннего объединения и координации личность, как понятие, содержит в себе и активное отношение к окружающему миру, основанное на индивидуальной переработке внешних воздействий.

В этом определении наряду с субъективной стороной выдвигается, как легко видеть, и объективная сторона личности. Мы думаем, что в вопросах психологических мы не должны ныне пользоваться одними субъективными определениями. Психическая жизнь есть не только ряд субъективных переживаний, но она вместе с тем выражается всегда и определенным рядом объективных явлений.

В этих объективных явлениях собственно и содержится то обогащение, которое вносит личность в окружающий ее внешний мир. Мы скажем более! Только объективные проявления личности доступны внешнему наблюдению, и только они одни составляют объективную ценность.

По Рибо, «реальная личность – это организм и его высший представитель – мозг, заключающий в себе остатки всего, чем мы были, и задатки всего, чем мы будем. В нем начертан индивидуальный характер со всеми своими деятельными и пассивными способностями и антипатиями, своим гением, талантом и глупостью, добродетелями и пороками, неподвижностью и деятельностью».

Мы не погрешим против истины, если скажем короче:

личность с объективной точки зрения есть психический индивид, представляющийся самостоятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям.

Должно иметь в виду, что ни оригинальность ума, ни творческие способности, ни то, что известно под названием воли, в отдельности ничто не составляет личности, но общая совокупность психических явлений со всеми их особенностями, выделяющая данное лицо от других и обуславливающая ее самостоятельность, характеризует личность с объективной ее стороны.

Умственный кругозор представляется неодинаковым между лицами различно образованными, но ни один из них не теряет права на признание в нем личности, если только он проявляет в той или другой мере свое индивидуальное отношение к окружающим условиям, представляясь самостоятельным существом. Только утрата этой самостоятельности делает человека вполне безличным; при слабом же проявлении самостоятельности мы можем говорить о слабо развитой или пассивной личности.

Итак, личность с объективной точки зрения есть не что иное, как самостоятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру.

Личность и условия ее развития и здоровья³

<...> Какие же причины пагубно влияют на развитие личности, приводят к ее упадку и какие причины содействуют ее развитию?

Обращаясь к разрешению первого вопроса, мы не будем здесь останавливаться на том, в какой мере на развитии личности отражается окружающая ее природа. Вопрос этот, хотя и не лишен значения, чтобы его обойти молчанием, но и настолько широк, что не позволяет на нем остановиться подробнее. Здесь можно лишь указать как на не подлежащий сомнению факт, что умеренный климат для развития личности является более благоприятным, нежели суровый климат севера и жаркий климат тропиков.

Вряд ли также кто-нибудь станет оспаривать наряду с климатом важное значение иных метеорологических, а равно

³ Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека. Москва. 1997. Основу работы «Личность и условия ее развития и здоровья» составляет речь, произнесенная ученым 4 сентября 1905 году на II съезде русских психиатров в Киеве. В этой работе Бехтерев дает определение личности с опорой на понятие «отношения человека», рассматривает широкий перечень факторов развития личности, включая природную и социальную среду. Достаточно детально Бехтерев обсуждает вопрос о необходимости создания благоприятных социально-экономических и гигиенических условий полноценного развития личности, сохранения психического здоровья.

и географических условий. Великие пустыни, малопригодные для человеческого житья, и все те местности, где человеку приходится затрачивать много сил и энергии на борьбу с окружающей природой, не благоприятствуют развитию личности. Равным образом неблагоприятные почвенные и метеорологические условия, характеризующиеся эндемическим⁴ развитием тех или других общих болезней, не могут не отражаться пагубно на развитии личности, подтачивая в корень физическое здоровье организма.

Не останавливаясь далее на этих внешних малоподвижных и малоизменяемых влияниях, действующих на развитие личности, мы перейдем к рассмотрению иных факторов, отражающихся резким образом на состоянии и развитии личности.

Первым и основным условием правильного развития личности является природа организма, наследие его отцов или те антропологические особенности, которые составляют почву для развития личности.

Вряд ли кто может сомневаться в значении расы в указанном отношении. Наилучшим примером может служить тот факт, что из трех человеческих рас черная, несмотря на свою многочисленность, далеко не достигла того культурного развития, как две другие расы.

При всей своей многочисленности представители этой расы никогда не играли выдающейся роли в истории. Этот важ-

⁴ Эндемический – местный, свойственный данной местности.

ный факт нельзя не сопоставить с тем антропологическим фактом, что вместимость черепа и вес мозга этой расы меньше, чем у двух других рас, в особенности белой.

Другим примером влияния антропологических особенностей на развитие личности являются народы древней Эллады, достигшие удивительной культуры и не менее удивительного развития личности и затем погибшие вследствие особых исторических условий.

Когда возникла борьба за освобождение греков от турецкого ига, многие представляли себе, что дело идет о восстановлении того же свободолюбивого народа, который оставил после себя замечательные памятники мысли и культуры, хранящиеся в различных музеях. Эта мысль увлекала многих, она возбудила симпатии к грекам со стороны лучших умов того времени, и война за их освобождение сделалась сразу популярной в Европе.

Но когда час освобождения наступил, что же оказалось?

Древнего грека с его живым умом и чувством и с сильной волей уже нельзя было признать в греках новейшей формации, обладающих иными качествами. И это потому, что древние греки переродились в другую нацию, характеризующуюся другими антропологическими чертами, они переродились частью вследствие выселения и рабства, главным же образом вследствие смешения их с другими племенами⁵.

Итак, несмотря на то что остались те же географические

⁵ Сикорский И. А. Вопросы нервно-психической медицины, 1904.

условия, какие были в Греции и в минувшие века, несмотря на то что центр цивилизации до сих пор остается, как и ранее, на материке Европы, современные нам греки, вследствие приобретенных ими новых антропологических особенностей в период долгого рабства, по-видимому, не обещают сделаться великим народом, каким они несомненно были в древности.

Приведенные примеры показывают, что уже в антропологических особенностях расы кроются те основы, которые определяют развитие личности. Вот почему должно быть ясно для всех, в какой мере судьба племени находится в связи с принадлежащими ему расовыми отличиями и в какой мере последние отражаются на проявлении и чертах народного гения.

Не меньшего внимания заслуживает другой фактор, влияющий на развитие личности. Это – фактор биологический, связанный с условиями зачатия и развития человеческого организма.

Здесь мы не можем не отметить важного значения в развитии личности тех элементов, которые известны под названием вырождения и которые коренятся в условиях неблагоприятного зачатия и развития плода. От каких бы причин эти условия ни зависели – от неблагоприятной психо- или невропатической наследственности, физических недостатков, болезней матери во время зачатия и беременности, алкоголизма родителей, тяжелых физических и психических момен-

тов в течение беременности, последствием их, как мы знаем, являются дегенеративные особенности потомства, которые в конце концов сводятся к разложению личности и к ее упадку. Вполне понятно, что развитие личности как высшего проявления психики находится в зависимости от физических условий. Это положение не может возбуждать и тени сомнения, коль скоро мы примем во внимание тесное соотношение между физическим и психическим, между «телом и душой», как принято выражаться. «*Mens sana in corpore sano*⁶», гласит древняя философская мудрость, и это положение остается незыблемым и поныне.

Во всяком случае нельзя не принять во внимание тот факт, что только гармоническое развитие тела и духа обеспечивает правильное совершенствование личности. Если физическое развитие от природы слабо, если человек с раннего возраста подвергается физическим невзгодам и целому ряду общих инфекционных болезней, особенно с затяжным течением, если вместе с тем у него развиваются такие общие болезненные поражения, коренящиеся в недостаточном и неправильном питании организма, как анемия, золотуха, рахитизм и проч., то уже полный расцвет личности будет в той или иной мере задержан. Если затем и в более возмужалом возрасте продолжают физические невзгоды, то упадок личности обнаруживается уже вполне ясно. <...>

<...> На развитие личности оказывают существенное влия-

⁶ *Mens sana in corpore sano* (лат.). – Здоровый дух в здоровом теле.

ание неблагоприятные экономические условия, приводящие последовательно к физическому ослаблению организма, на какой почве развивается ряд истощающих физических болезней, подрывающих в корне питание организма и нарушающих правильное развитие мозга, а следовательно, и личности. Да и помимо этих болезней недостаточное питание населения, подрывающее физические его силы и приводящее к развитию физического истощения и малокровия, – разве это не условия, содействующие ослаблению питания мозга, быстрой истощаемости умственных сил и вместе с тем препятствующие полному расцвету личности? <...>

Далее, важным фактором, приводящим к недостаточному развитию личности, является отсутствие общественной деятельности. Где нет общественной деятельности, там нет и полного развития личности. Без общественной деятельности личность останавливается на известной ступени своего развития, представляясь более или менее равнодушной к общественным потребностям; она является пассивным членом общества, лишенным той самостоятельности, которая служит залогом нормального развития общественной жизни и прочного развития государственности.

Народы, у которых общественная деятельность отсутствует или слабо развита, готовят в своей среде по сравнению с другими в общем менее развитые и более пассивные личности, что в конце концов отражается на всех отраслях культуры.

К этому надо добавить, что естественным последствием отсутствия правильно организованной общественной деятельности в форме самоуправления является праздность и бездеятельность, которая находит в этом случае особенно благоприятные условия преимущественно в более обеспеченных классах общества. Между тем праздность, чем бы она ни обуславливалась, приводит естественным образом к понижению умственной работоспособности, к невознаграждаемой утрате умственного материала за время бездеятельности, к недостаточному усовершенствованию нервно-психических механизмов, что доказывается между прочим также и психометрическими исследованиями, и вообще к умственному и телесному обессилению, а последовательно – к нравственному и физическому вырождению, особенно если к праздности присоединяются ее естественные спутники – алкоголизм и другие излишества. <...>

Не меньшего внимания в смысле развития личности заслуживают и воспитание, и обучение.

Как для правильного развития тела необходимо правильное физическое питание, так для умственного развития, приводящего к развитию личности, необходимо правильное доставление пищи духовной. Ясно, что для цельного развития личности правильное воспитание и обучение составляют существенную сторону дела. Но вопросы воспитания и обучения чрезвычайно деликатны и требуют большой осмотрительности в своем применении. Прежде всего здесь нуж-

но иметь в виду при соблюдении физической и умственной гигиены постепенное приучение к систематическому труду, развитие самостоятельного мышления с широким мирозерцанием и критическим взглядом и стойкость характера.
<...>

Особенно следует подчеркнуть то обстоятельство, что основы будущей личности коренятся еще в дошкольном возрасте, и, следовательно, правильное и рациональное воспитание должно начинаться с первых дней жизни человека. Существуют неоспоримые факты, из которых выясняется с несомненностью, что отклонения характера начинаются еще в раннем возрасте благодаря тем или иным условиям, которые своевременно могли быть легко устранены.

Не меньшего внимания заслуживает также и правильное направление умственного развития. Так как невежество и недостаток образования есть главное условие недоразвития личности, то очевидно, что эта сторона в вопросе о развитии личности должна быть выдвинута на первый план. И мы знаем действительно, что культурные страны соперничают между собою в правильной постановке и развитии школьного дела.

Органическая и социальная сфера личности⁷

«...» Личная сфера, концентрируя в себе запас важнейшего для жизни организма прошлого опыта, как бы образует собою главный центр нервно-психической деятельности, лежащей в основе активно-самостоятельного отношения живого организма к окружающему миру.

Отсюда очевидно, что образование этого интимного ядра нервно-психической сферы, предполагающее сохранение в центрах следов от рефлексов, стоящих в связи с внутренними раздражениями и постоянно оживляющихся под влиянием вновь возникающих внутренних и стоящих в соотношении с ними внешних раздражений, является залогом самостоятельного индивидуального отношения организма к окружающему миру, причем эта самоопределяющаяся активность, как ясно из предыдущего, определяется внутренними условиями, вытекающими из запаса постоянно оживляемых следов, входящих в личную сферу.

С развитием общественной жизни личная сфера человека не ограничивается только следами психорефлексов, стоящими в соотношении с органическими воздействиями, но в теснейшей связи с ними происходит и образование сле-

⁷ Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека. М., 1997.

дов, обусловленных теми или другими отношениями, вытекающими из условий общественной жизни. Таким образом, в связи с личной сферой органического характера развивается личная сфера социального характера, лежащая в основе так называемых нравственных и социальных отношений между людьми. Последняя, таким образом, является дальнейшим развитием основного ядра невропсихики, которое, возвышаясь до оценки социальных отношений, приводит к образованию личности как самобытной психической особи в социальной жизни народов.

«Личность с объективной точки зрения, – говорю я в одной из своих работ, – есть психический индивид со всеми ее самобытными особенностями, – индивид, представляющийся самостоятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям» («Личность и условия ее развития и здоровья»).

Эта личность представляет собою как бы две тесно связанные друг с другом совокупности следов, из которых одна теснее связана с органической, другая – с социальной сферой, причем в зависимости от большего или меньшего развития той или другой совокупности следов мы имеем преобладание в личности так называемого эгоизма или альтруизма.

Как органическая сфера личности является, как мы видели, главнейшим руководителем ответных реакций на раздражения окружающего мира, имеющие то или иное отно-

шение к органической сфере, т. е. к поддержанию или понижению благосостояния организма, так с социальной сферой личности связывается высшее руководство действиями и поступками, имеющими целью установление отношений между личностью и другими членами сообщества, в котором она вращается.

По крайней мере при более высоком развитии невропсихики социальная сфера личности является важнейшим руководителем всех реакций, имеющих связь с общественными отношениями между людьми.

Необходимо иметь в виду, что сложный процесс развития социальной сферы личности ничуть не устраняет органическую сферу личности, он ее только дополняет и частью подавляет, как бы наслаивая на нее новые сочетания, вытекающие из воздействий, относящихся к условиям социальной жизни.

Нет надобности говорить, что социальная сфера личности в своих более элементарных проявлениях обнаруживается уже в животном царстве, но несомненно, что у человека, как существа не только социального, но и культурного, мы встречаем развитие социальной сферы личности в такой мере, что при известных условиях она, несомненно, обнаруживает преобладание над органической сферой личности, выражаясь поступками и действиями альтруистического характера, нередко в явный ущерб или даже вопреки органическим потребностям индивида.

Таким образом, социальная сфера личности, развиваясь на почве органической сферы, расширяет ее в зависимости от социальных условий жизни до степени, когда органические воздействия подавляются прошлым опытом социальных отношений и социальными воздействиями.

Как внешние раздражения, возбуждающие органические реакции, служат естественным возбудителем всех вообще следов личной сферы, входящих в соотношение с органическими раздражениями, так и социальные отношения являются возбудителями следов, оживляющих в большей или меньшей степени внутренние же или органические реакции, чем и обуславливается соотношение социальной сферы с органической сферой личности.

Таким образом, социальная сфера личности является объединяющим звеном и возбудителем всех вообще следов психорефлексов, возникающих на почве общественной жизни и оживляющих те ли иные органические реакции.

Бессмертие человеческой личности как научная проблема⁸

В те моменты истории, как переживаемое нами время, когда почти каждый день приносит известие о гибели многих сотен и тысяч людей на полях сражений, особенно настойчиво выступают вопросы о «вечной» жизни и о бессмертии человеческой личности. Да и в обыденной жизни мы сталкиваемся на каждом шагу с потерей близких нам лиц – родных, друзей, знакомых – от естественной или от насильственной смерти.

«Произошел выстрел, и человека не стало». «Болезнь отняла от нас друга, который отошел в другой мир». Так говорят обыкновенно над свежей могилой. Но так ли это на самом деле? Ведь если бы наша умственная или духовная жизнь кончалась вместе с тем, как велением рока обрывается биение сердца, если бы мы превращались вместе со смертью в ничто, в безжизненную материю, подлежащую разложению и дальнейшим превращениям, то, спрашивается, чего стоила бы сама жизнь? Ибо, если жизнь кончается ничем в смысле духовном, кто может ценить эту жизнь со всеми ее волнениями и тревогами? Пусть даже жизнь скрашивается

⁸ Речь, сказанная на торжественном акте Психоневрологического института в феврале 1916 года и первоначально напечатанная в «Вестнике знания».

стремлениями в лице лучших умов к вечным идеалам истины, добра и красоты, но для самого человека, живущего и действующего, чем можно было бы оправдать преимущества этих идеалов по сравнению с теми или иными своекорыстными стремлениями? Ведь если нет бессмертия, то в жизни нет и морали, и тогда выступает роковое: «все дозволено!».

В самом деле, к чему мне заботиться о других, когда все – и я, и они перейдут в «ничто» и когда вместе с этим «ничто» устраняется вполне естественно и всякая моральная ответственность. Смерть человека без вечного духа, который признают все религии и в который веруют все народы, разве не устраняет почву из-под всякой вообще этики и даже из-под всех стремлений к лучшему будущему?

Если вместе со смертью навсегда прекращается существование человека, то, спрашивается, к чему наши заботы о будущем? К чему, наконец, понятие долга, если существование человеческой личности прекращается вместе с последним предсмертным вздохом?

Не правильнее ли тогда ничего не искать от жизни и только наслаждаться теми утехами, которые она дает, ибо с прекращением жизни все равно ничего не останется. Между тем иначе сама жизнь, как дар природы, протечет без тех земных удовольствий и наслаждений, которые она способна дать человеку, скрашивая его временное существование.

Что же касается заботы относительно других, то стоит ли вообще об этом думать, когда все – и «я», и «другие» зав-

тра, послезавтра или когда-нибудь превратятся в «ничто». Но ведь это уже прямое отрицание человеческих обязанностей, долга и вместе с тем отрицание всякой общественности, неизбежно связанной с известными обязанностями.

Вот почему человеческий ум не мирится с мыслью о полной смерти человека за пределами его земной жизни, и религиозные верования всех стран создают образы бесплотной души, существующей за гробом человека в форме живого бестелесного существа, а мировоззрение Востока создало идею о переселении душ из одного существа в другие.

Таким образом народный эпос и религиозное умозрение как бы предуказывают то, что должно быть предметом внимания науки и что до позднейшего времени оставалось вне ее поля зрения. Правда, философии не чужда идея бессмертия, ибо она уже давно ставила проблему бессмертия человеческой души как таковую, которая требует своего разрешения, и, как известно, еще Спиноза, а затем и Кант, не говоря о некоторых других философах, признавали бессмертие духа.

Наш великий моралист Л. Толстой высказывается по этому поводу следующим образом: «Если признают жизнь не в теле, а в духе, то нет смерти, есть только освобождение от тела. Мы признаем в душе нечто такое, что не подлежит смерти. Объяви только в своей мысли то, что нетелесно, и ты поймешь то, что в ней не умирает».

Из новейших авторов, как известно, американский фи-

лософ Джемс, недавно скончавшийся, «был столь убежден в существовании загробного мира, что обещал после своей смерти найти способ духовного общения со своими друзьями». На это наш ученый Мечников не без иронии заметил, что он «до сих пор не выполнил своего обещания».

Некоторые из философских умов в этом вопросе даже примыкали к доктринам христианства. Как известно, христианское учение говорит о всеобщем воскресении мертвых, и наш известный философ Соловьев⁹ опирается именно на эту сторону христианского учения в своих диалектических возражениях по адресу морального аморфизма.

«Отрицая различные учреждения, моральный аморфизм, – говорит он, – забывает об одном довольно важном учреждении – о смерти, и только это забвение дает доктрине возможность существования».

«Ясно, что это учение, умалчивая о смерти, носит ее в себе самом. Оно выдает себя за восстановление подлинного христианства, но слишком очевидно и психологически, и исторически, что проповедь Евангелия не забывала о смерти; прежде всего эта проповедь опиралась на воскресение Одного, как на совершившееся событие, и на будущее воскресение всех, как на обеспеченное обещание. Общее воскресение есть создание совершенной формы для всего существующего, крайнее выражение и осуществление благого смысла вселенной и потому конец и цель истории».

⁹ Соловьев В. Оправдание добра. Предисловие.

Таким образом, наш маститый философ принимал христианскую доктрину так, как она передается нам в священной книге, в прямом смысле слова, и рассматривал перспективу общего воскресения как обеспеченное обещание, как непреложный факт будущего, забывая при этом, что в известных случаях слова вообще должны быть понимаемы не по внешней их форме, а по их сокровенному смыслу.

Не будем умалять значения христианского учения для цивилизованного мира. Возвышение «духа» над телом, любовь к ближнему, непротивление злу насилием и самопожертвование ради торжества истины и ради общего блага – вот те нравственные принципы, которые выдвинуло христианство.

Эти принципы, опрокинувшие некогда древний языческий мир, поборовшие его великим страданием самого Учителя и последующими страданиями его учеников, привели к обновлению мира, создав новую эру для современного человечества. Но даже приняв во внимание заявление В. Соловьева относительно обеспеченного обещания в христианском учении, следовательно, факта в будущем, люди науки скажут: в общее воскресение надо верить, ибо общее воскресение есть высшее чудо, научная же мысль давно отрешилась от всего чудесного и не может опираться на веру.

Вот почему даже столь сильные умы, как наш Мечников, стоят на точке зрения полного отрицания загробной жизни.

Но прежде чем разрешать этот вопрос, мы сойдем с плоскости религии и примыкающей к ней в этом вопросе филосо-

фии и обратимся к научному анализу вопроса о бессмертии человеческой личности, то есть к тому знанию, которое признается точным, и посмотрим, как будет решаться вопрос о бессмертии человеческой личности с научной точки зрения.

Не очень давно научное воззрение держалось на трех китах – на признании физической энергии, материи и духа, несводимых будто бы путем научного анализа к более общим формам мировых явлений и в то же время не имеющих между собой ничего общего. Еще покойный Менделеев не считал возможным отрешиться от этих, так недавно считавшихся общепризнанными, взглядов.

Но за истекшее столетие в лице Майера и Гельмгольца наука обогатилась одним незыблемым законом – законом постоянства энергии. Этот закон гласит, что энергия может подвергаться превращению из одного ряда в другой, но она не тратится и не убывает.

Ранее того был установлен, как известно, принцип постоянства материи. Предполагалось, что материя при всех возможных превращениях остается в смысле своего веса одной и той же, иначе говоря, количество материи, несмотря на всевозможные превращения, остается постоянным.

Однако позднейшие научные открытия, особенно же открытие радиоактивных веществ, а также открытие рентгеновских лучей и другие приобретения науки, пошатнули это положение, ибо стал очевидным переход, хотя и медленный и постепенный, материи в энергию. С другой стороны, нау-

кой установлено, что и материальные атомы, разлагающиеся на электроны, представляют собой не что иное, как центры энергии, а следовательно, в физическом мире мы можем говорить лишь об энергии как сущности, которая вмещает в своем понятии и физическую энергию, и видимую и осязаемую нами материю.

Иначе говоря, можно признать, что энергия при известных условиях скрытого потенциального состояния дает начало веществу – материи или массе, последняя же в конце концов при тех или других условиях может быть разложена на ряд физических энергий. В этом отношении еще Декарт подходил к решению задачи, говоря, что материя есть «движение» или «сила».

Г. Лебон, задаваясь вопросом: «Материя не есть ли энергия?» – замечает: «Всякому, следившему за моими работами, известно, что мне удалось доказать, что свойства солей радия суть не более как свойства каждого тела природы, только в радии они более ярко выражены. Всякое тело обладает истечением частиц в более слабой степени, чем радий. Это показывает, что материя имеет свойства медленно рассеиваться. Радиоактивность и рассеивание (диссоциация, распад) материи, ее дематериализация – это синонимы. Электричество и солнечное тепло – не что иное, как разьединенная материя. Можно доказать, что элементы, извергаемые полюсами, одинаковы с элементами, отделяющимися

ся от радия»¹⁰.

Но за всем тем остается мир духовный, или так называемая психическая, точнее – нервно-психическая деятельность, которая непосредственно познается нами как мир явлений, открываемых путем самонаблюдения и самоанализа. Этот мир тем самым противопоставляется миру объективному, ибо последний не подлежит самонаблюдению, но в то же время познается нами лишь не иначе, как при посредстве наших внутренних переживаний, то есть путем того же субъективного мира, открываемого при посредстве самонаблюдения и самоанализа.

Но это противоположение остается лишь до тех пор, пока мы о нервно-психической деятельности судим по своим переживаниям, то есть признаем ее деятельностью исключительно субъективной, не имея в то же время возможности проникнуть во внутреннюю природу явлений внешнего мира. Но та научная дисциплина, которую я стремлюсь установить под наименованием «Объективной психологии» или – точнее – «Рефлексологии»¹¹, рассматривает нервно-психическую resp. соотносительную деятельность со строго объективной точки зрения, как совокупность высших или сочетательных рефлексов, имеющих свои внешние причины

¹⁰ Лебон Г. Эволюция материи. СПб., 1911.

¹¹ См.: Бехтерев В. М. Вестн. Психологии. 1904. Объективная психология. Вып. I. (1907), вып. II. (1910) и вып. III (1911). СПб. Общие основания Рефлексологии; Обзор. Психиатрии. 1916 и 1917 гг. и отд. изд. – Вестн. Знания. 1916.

или внешние воздействия, предоставляя в то же время субъективной психологии изучать проявление субъективного характера этих рефлексов путем самонаблюдения.

Со строго объективной точки зрения разнообразные действия Человека могут и должны быть сопоставлены по аналогии с движениями псевдоподий таких простейших животных, как амеба, и то, что мы понимаем под высшими или сочетательными рефлексами, в конце концов представляет собой производное сократительности живого вещества в случае ответа его на сопутствующие раздражения. Отсюда ясно, что связываемый с высшими рефлексами психизм в живой природе вообще, где бы он ни проявлялся и в каких бы формах ни обнаруживался, должен быть сведен также на особый вид энергии, разнообразные проявления которой мы имеем в телах окружающей нас живой природы¹².

При этом мы знаем, что в основе соотносительной деятельности высших организмов лежит нервный ток, являющийся сам по себе производным сократительности протоплазмы, ибо нет ни одного соотносительного (нервно-психического) процесса, который бы не происходил в мозгу, основой же деятельности мозга, как мы знаем, является нервный ток, переходящий путем сокращения мышц и смещения членов в механическую энергию¹³.

¹² См.: *Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. 2-е перераб. и доп. изд. СПб., 1904. *L'activité psychique et la vie.* Paris. – *Psyche und Leben.* Wiesbaden.

¹³ Заслуживают внимания новейшие исследования, которые устанавливают со-

Как известно, импульсами для возбуждения нервного тока служат внешние заряды, которые действуют на воспринимающие органы внешней и внутренней поверхности тела, играющие, как я указал еще в 1896 году, роль особых трансформаторов внешних энергий¹⁴; обеспечением же правильного проведения тока по нервным волокнам является непрерывный приток крови к мозгу.

Другие факты не оставляют сомнения в том, что при условиях нормального мозгового кровообращения усиление субъективных сознательных процессов сопутствуют замедлением и даже задержкой движения, то есть ослаблением ме-

отношения между принятой пищей и производимой человеком механической работой (на велосипеде). Для этой цели человека помещали в замкнутое пространство с неизменной температурой. Производимая им механическая работа передавалась тем или другим механизмам, например динамо-машине. При этом путем учета потребляемой пищи и производимой полезной работы доказано, что человек дает работой своих мышц около 21 % потребляемой им энергии, тогда как паровая машина, как известно, дает не более 13 % полезной работы. Люди с большей физической силой дают еще больший процент полезной работы, а именно до 36 %. Здесь, конечно, не принята в расчет та энергия, которая идет на работу желез и других внутренних органов (потоотделение, усиление сердцебиения и пр.). Только что приведенные факты объясняются, с одной стороны, большим совершенством человеческой машины, преимущество которой состоит в том, что изнашивание человеческой машины чинится самой же машиной, с другой – тем обстоятельством, что энергия наших центров, дающая импульс движению, образуется, собственно, не столько путем трансформации питательного материала – крови, сколько путем трансформации разнообразных внешних влияний на воспринимающие органы и постоянно присутствующего запаса энергии в центрах.

¹⁴ Бехтерев В. М. Обзорение психиатрии. 1896. Neurol. Centr. 1896.

ханической работы, и наоборот – ускорение и усиление производимой механической работы сопровождается ослаблением ее сознательности. Отсюда вытекает противоположение между субъективными проявлениями сознания и объективными двигательными процессами, а это говорит за то, что при активной психической деятельности происходит задержка энергии в центрах, точнее говоря, в клетках нервной ткани¹⁵.

Всем известно, что активная умственная работа идет медленнее автоматической. Достаточно сделать усиленное напряжение мысли при ходьбе, стремясь внимательно производить каждый шаг, и тотчас же ходьба замедляется и даже наступает ее приостановка, и наоборот – при ослаблении внимания или в состоянии так называемой рассеянности процесс ходьбы становится более планомерным и свободным.

В основанном мною совместно с В. Т. Зиминим Педологическом институте в Петрограде непосредственными опытами над новорожденными было доказано, что всякое внешнее впечатление, привлекающее внимание ребенка, действует успокаивающим образом на его движения и в особенности на его дыхание, которое всегда при этом выравнивается.

Таким образом, необходимо признать, что сознательное или, выражаясь философским языком, духовное связано с задержкой нервного тока, сам же нервный ток, как мы виде-

¹⁵ Бехтерев В. М. Психика и жизнь. СПб.

ли, является трансформированной физической энергией того или иного рода. Отсюда ясно, что духовная сторона человеческой личности, если понимать под этим все вообще происходящие в ней субъективные процессы и тесно связанные с ними внешние проявления, в конце концов оказывается производной внешних энергий и является результатом задержки и, следовательно, наивысшего напряжения энергии в центрах.

Очевидно, таким образом, что и между нервно-психической и так называемыми физическими энергиями не только нет никакого противоположения, как полагали раньше, а, наоборот, имеется взаимоотношение, основанное на переходе одной в другие и обратно¹⁶.

Поэтому необходимо признать, что все явления мира, включая и внутренние процессы живых существ или проявления «духа», могут и должны быть рассматриваемы как производные одной мировой энергии, в которой потенциально должны содержаться как все известные нам физические энергии, так равно и материальные формы их связанного состояния и, наконец, проявления человеческого духа.

В окончательном выводе энергия должна быть признана единой сущностью во Вселенной, причем все вообще превращения материи или вещества и все вообще формы дви-

¹⁶ Энергетическое учение в применении к нервно-психической деятельности за последнее время кроме меня развивалось с различных точек зрения Лассвицем, Гротом, Краинским и др.

жения, не исключая и движения нервного тока, представляют собой не что иное, как проявление мировой энергии, непознаваемой в своей сущности, но являющейся первоосновой известных нам физических энергий, являющихся также лишь определенной формой проявления мировой энергии, то есть проявления ее при определенных условиях окружающей среды.

Новейшие научные воззрения, правда, говорят об электронах как наименьших элементах, служащих носителями энергии, но ничуть не исключена возможность, что электрические атомы, или электроны, предполагающие существование в них положительного или отрицательного зарядов, не являются еще пределом разложения видимого и невидимого физического мира. Да и вообще в этих воззрениях об электронах, постоянно двигающихся друг около друга, сказывается невозможность человеческого ума отрешиться от идеи разделения познаваемого мира на мельчайшие частицы и признать полное разложение материи в энергию без всякого в ней остатка самой материи. К тому же в физических гипотезах нашего времени, как справедливо указал профессор Хвольсон в своей брошюре «Знание и вера», господствует вера, а не научные доказательства¹⁷.

В конце концов необходимо признать, что сущность мировой энергии по ограниченности нашего мышления, черпа-

¹⁷ О том же предмете сделан доклад профессором Хвольсоном в Петроградском Философском обществе в марте 1916 года.

ющего свой материал лишь из видимого материального мира, остается недоступной нашему познанию.

Но одно несомненно, что мировая энергия в конце концов служит началом и материального, и духовного мира, следовательно, в потенциальном состоянии она должна содержать в себе и материальное, и духовное. «Называя все это – материю, энергию, дерево – физическими продуктами, касаемся ли мы их последней реальности? Уверены ли мы даже совершенно в том, что то, что мы называем физическим миром, есть в конце концов физический мир? Преобладающим научным взглядом в настоящее время является, что это не так. Самое выражение „материальный мир“ есть, говорят нам, неверное выражение; мир есть мир духовный, только употребляющий „материю“ для своего обнаружения»¹⁸.

Как бы то ни было, в последних частицах беспредельного дробления материи, пример которого мы видим в радиоактивности тел, мы уже не находим никаких свойств материи, а лишь качества, присущие энергии, равно как и в конечном анализе психические процессы лишаются свойств психического в истинном смысле слова и должны быть сводимы на бессознательные процессы, связанные с затрачиваемой энергией.

Таким образом, мы не только не видим основания противопоставлять друг другу физическую энергию, материю и дух, они не только не представляются нам особыми сущностями,

¹⁸ Друммонд Г. Прогресс и эволюция человека. С. 373.

что признавалось за истину еще недавно, но мы должны в этом отношении держаться взгляда о единой основе всего сущего в виде мировой энергии, служащей началом и всего материального, и всего духовного во Вселенной. Это учение, как объединяющее все мировые явления, мы обозначаем именем эволюционного монизма, ибо в данном случае к монизму мы приходим путем выяснения и анализа эволюционного процесса, приводящего все вообще внешние проявления видимого мира к единой «мировой» энергии как началу всего сущего¹⁹.

Эта мировая энергия обуславливает движение всего во Вселенной, ибо во всем познаваемом пространстве нет ничего без движения, и мы не знаем вообще ни одного явления в природе, ни одного процесса, который не сопровождался бы движением.

С движением связаны и энергия притяжения и отталкивания, лежащая в основе законов тяготения небесных тел, и энергия химического сродства и сцепления атомов, и, наконец, энергия того подвижного соединения молекул коллоидных веществ, которое, лежа в основе жизненных процессов, обладает свойством раздражимости, а следовательно, и

¹⁹ Бехтерев В. М. Психика и жизнь. СПб. *Psuche und Leben*. Wiesbaden. *L'activité psychique et la vie*. Paris. Мысли, изложенные в этом сочинении об эволюционном монизме, а также и мои взгляды, изложенные мной в прениях по тому же предмету в данных обществах, особ. в Р. Общ. норм. и пат. психологии, нашли свое отражение и в философской литературе. (См. по этому поводу у К. Ф. Жакова в позднейших его работах.)

всех вообще ответных реакций или рефлексов живой материи, входящей в состав организмов.

Мало того, необходимо признать, что все движется как бы в одной непрерывной цепи, благодаря непрерывному переходу одной энергии в другую. Отсюда постоянная и непрерывная зависимость одного явления от другого, благодаря ему весь мир представляет собой бесконечную систему взаимодействий, устанавливающую так называемый закон относительности.

«В обширной экономии природы... взаимная зависимость части от части является неизменно установленной. Система вещей от вершины до основания есть непрерывный ряд взаимодействий. Царство согласуется с царством, органическое с неорганическим».

«Действительно, все вступает в жизнь благодаря чему-нибудь другому. Вещество Земли создано из содействующих друг другу атомов; она обязана своим существованием, своим положением и своей устойчивостью содействующим светилам. Растения и животные созданы из содействующих друг другу точек, нации состоят из содействующих друг другу людей. Природа не делает ни одного движения, общество не выполняет ни одной цели, компас не подвигается ни на шаг вперед без зависимости от кооперации; и по мере того как несогласия мира исчезают с ростом знания, наука с возрастающей ясностью раскрывает универсальность ее взаим-

ных соотношений»²⁰.

В конце концов все силы природы полны взаимодействия и соучаствуют в творении человека и тем самым сливают его с бесконечным началом.

Но и этого еще недостаточно; для уяснения мирового процесса необходимо признать, что живая и мертвая природа подчинены закону эволюции – тому закону, по которому одно развивается из другого и которым обеспечивается поступательный ход всего сущего, всего вообще мирового процесса и в том числе человека как высшего живого существа на земле.

В пояснение величия закона эволюции и его значения даже в моральной сфере приведем здесь слова Г. Друммонда, который говорит: «В обширном поступательном движении природы, в этом зрелище всех вещей, с самого начала движущихся снизу вверх, от неоконченности к завершению, от несовершенства к совершенству, моральная природа признает во всей его высоте и глубине вечное право на самое себя. Цельность, совершенство, любовь всегда составляли требование человека. Но никогда ранее на естественной почве не были они провозглашены голосами столь повелительными или подтверждены санкциями столь великими и рациональными».

С этими предварительными сведениями перейдем к рассмотрению интересующего нас вопроса.

²⁰ Друммонд Г. *Op. cit.* С. 273–274.

Посмотрим, действительно ли наука бессильна в выяснении вопроса о существовании человеческой личности за пределами ее жизни.

Когда человек умирает, организм разлагается и прекращает свое существование – это факт. Путем разложения сложных белковых и углеводных веществ тело разлагается на более простые вещества. Благодаря этому энергия частью освобождается, частью же вновь связывается, служа основой для произрастания растительного царства, в свою очередь служащего питательным материалом для жизни и, следовательно, условием развития энергии в новых организмах. Таким образом, то, что называется физической стороной организма, то, что обозначают именем тела, распадается, истлевает, но это не значит, что оно уничтожается, оно не тратится, а лишь превращается в другие формы, служа к созданию новых организмов и новых существ, которые путем закона эволюции способны к бесконечным превращениям и совершенствованию. Следовательно, круговорот энергии не прекращается и после смерти организма, содействуя развитию жизни на земле.

Но, спрашивается, что же делается с индивидуальным сознанием человека или, вернее, с его психической деятельностью? Мы приведем здесь слова Мечникова, большого скептика в вопросе о бессмертии человеческой личности. «До нашего рождения, – говорит он, – и столь часто на пути нашей жизни сознание отсутствует, но никогда оно не превращает-

ся ни во что другое, нам каким бы то ни было образом ведомое. Даже то видоизменение нашего сознания, которое мы воспринимаем в сновидениях, нам большей частью неприятно, так как оно обуславливается нарушением правильной деятельности мозга. Без последнего же для нас наступает именно ничто, которое, хотя и превращается в природе в нечто, но в столь же отличное от сознания, как наш мозг, нормально функционирующий, отличается от мозга, превращенного в культуру гнилостных бактерий или в содержимое кишечного канала трупных насекомых».

Однако все ли этим сказано в вопросе о дальнейшем бытии или небытии человеческой личности?

Если нервно-психическая деятельность должна быть сведена на энергию, то нужно признать, что закон сохранения энергии, провозглашенный Майером, поддержанный затем Гельмгольцем и теперь являющийся общепризнанным, должен получить свое полное применение и по отношению к нервно-психической, или соотносительной деятельности.

Таким образом, энергетизм, на котором основывается и та научная дисциплина, которую мы называем рефлексологией, дает нам возможность не только рассматривать нервно-психическую деятельность человека в ее высших проявлениях с точки зрения строго объективной, как все вообще явления природы, не противопоставляя притом духа материи, как это делалось и делается еще многими и донныне, но и применить к явлениям нервно-психической деятельности закон сохра-

нения энергии²¹.

Этот закон по отношению к данному предмету может быть выражен так: ни одно человеческое действие, ни один шаг, ни одна мысль, выраженная словами или даже простым взглядом, жестом, вообще мимикой, не исчезают бесследно. И это потому, что всякое вообще действие, слово или вообще тот или иной жест или мимическое движение неизбежно сопровождается для самого человека определенными органическими впечатлениями, что в свою очередь должно отразиться в его личности, претворившись в новые формы деятельности в последующий период времени.

Но особые свойства нервно-психической деятельности обуславливают то, что этим «самовлиянием» дело не ограничивается.

Дело в том, что если действие человека, его слово, мимическое движение или жест производятся в присутствии других лиц, способных усваивать все, что они видят и слышат, то ясно, что эти явления, будучи воспринятыми другими, либо претворятся путем непосредственного подражания, внушаемости и усвоения в те или другие формы их нервно-психической деятельности, либо, встретив со стороны их противодействие, вызовут тем самым особую в них реакцию, словом, так или иначе отразятся на их последующей деятельности в окружающем мире.

²¹ Может быть, этот кругооборот, понятие о котором было доступно и народам древности, и послужил к созданию учения о переселении душ.

«Душа наша, как неуловимая жидкость, всюду проникающая, беспрепятственно оказывает свое влияние и на внешний мир в ее животных проявлениях; она, сообразно с этими проявлениями, изменяет ту материальную среду, где они происходят. Присутствие добродетельного человека улучшает окружающие воздух и почву; зло и беззаконие, напротив того, распространяют вокруг физическую заразу»²².

В конце концов всякий человек представляет собой существо, проявляющее себя в зависимости от тех влияний, которые воздействуют на него со стороны других лиц. Человек является существом, принявшим от рождения известную часть биологического богатства своих предков, а затем получившим путем усвоения при воспитании результаты опыта старших поколений и в том числе моральные приобретения, сделанные ранее другими лицами, находящимися с ним в общении. Вместе с тем он обогащается и собственным жизненным опытом, вырабатывая определенные навыки.

Таким образом, всякий человек обладает известным запасом энергии, заимствованной от предков в силу рождения, и запасом энергии, приобретенной им самим путем воспитания и жизненного опыта, а потому действующие на него внешние влияния оказываются действительными в той мере, в какой мере они в состоянии побудить к активному проявлению или направить в известную сторону приобретенную им ранее запасную энергию. В противном случае действие

²² *Фрейхтерслебен. Гигиена души.* С. 21.

этих влияний затормаживается.

Тем не менее и в этом случае оно не остается бесследным, а так или иначе проявляет себя хотя бы более или менее скрытым образом или вызывая известную реакцию противодействия. К тому же торможение есть лишь акт временной задержки, а не полное уничтожение явления.

Да может ли и быть иначе. Если нервно-психическая деятельность человека должна быть сведена на энергию, то ясно, что эта энергия, проявляясь в речи, мимике, жестах, действиях и поступках одних людей, путем воздействия этих внешних проявлений, то есть речи, мимики, жестов, действий и поступков на воспринимающие органы других лиц, должна отражаться в свою очередь на речи, жестах, мимике, действиях и поступках этих последних, а это и гарантирует социальную преемственность фактов и событий в исторической жизни народов.

Можно сказать, что ни один вздох и ни одна улыбка не пропадают в мире бесследно. Кто слышал последний вздох умирающего узника в тюрьме, а между тем этот вздох с проклятием на устах воскресает затем на улицах и митингах, в кликах восставшего народа, проклинаящего тиранов, гноивших в тюрьмах своих политических врагов. Кто мог заметить улыбку на лице невесты, провожающей своего жениха на войну, а между тем она делает его героем в предстоящем сражении, ибо он уловил ее смысл и не может вернуться домой для новой встречи с ней без победных лавров.

Нервно-психическая деятельность как выражение энергии, заимствуемой человеком по праву рождения от родителей и накапливаемой им в течение жизни, благодаря превращению в нервный ток внешних энергий, действующих на воспринимающие органы, и вследствие тех внешних проявлений, которыми она характеризуется, имеет все условия для распространения от одних лиц к другим и для передачи из поколения в поколение.

Отсюда мы имеем основание говорить о том, что «духовная» личность человека, имея самодовлеющую ценность, никогда не исчезает бесследно и таким образом каждая человеческая личность, имеющая в себе опыт предков и свой личный жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались во время ее жизни, и таким образом живет в них и в потомстве как бы разлитой, но зато живет вечно, пока существует вообще жизнь на земле.

Можно сказать, что в течение своей жизни человек, если можно так выразиться, рассеивает свою энергию среди близких и неблизких ему лиц, которые в свою очередь передают приобретенное другим, а те – третьим и так далее до пределов человеческих взаимоотношений, причем в претворенном виде это влияние личности на других, себе подобных, в свою очередь будет воздействовать на саму личность, первоначально давшую толчок к воздействию на других.

В собирательной человеческой личности все взаимно связаны друг с другом, и нет ни одного происшествия, которое не отразилось бы в той или иной мере всюду. Один подвиг вызывает преемственно другой подвиг, и одно преступление влечет за собой другое преступление.

Обращаясь к фигуральному сравнению и принимая во внимание беспредельность взаимоотношений людей вообще, мы должны сказать, что человек в течение своей жизни распространяет свое влияние в большей или меньшей мере на всю собирательную человеческую личность и в свою очередь испытывает на себе влияние со стороны других лиц подобно тому, как плывущий по морю корабль дает начало отходящим от него в разные стороны волнам, которые в конце концов, докатившись до берегов и получив обратное направление, вновь докатываются до того же корабля.

Само собой разумеется, что в отношении своего влияния на других каждая человеческая личность сталкивается с действием распространяющегося влияния целой совокупности других личностей нередко противоположного характера, создающим таким образом род тормоза для распространения влияния одной личности. Но торможение в научном смысле, как уже говорилось раньше, есть лишь задержка, и притом временная, а не полное уничтожение. Следовательно, с устранением задержки при тех или иных условиях и эта преграда распространению влияния личности на других отпадает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.